

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Ф. И. Буслаев: идейно-политические акценты исследования проблемы народности

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России

Статья продолжает серию публикаций о Ф. И. Буслаеве, начатую в предыдущих номерах данного журнала. Рассматривается проблема взаимодействия Ф. И. Буслаева с двумя основными течениями научной мысли России первой половины XIX века – западниками и славянофилами. Отмечается, что Буслаев был равнодушен ко всем исследовательским идеям и усилиям славянофилов – сторонников независимого, культурно самобытного, исконно русского пути развития своего народа, не разделял и национализма славянофилов, веривших в превосходство русского народа. Подчеркивается, что Буслаеву также претило слепое преклонение западников перед европейской цивилизацией. Он, словно дразня и одних, и других, продолжал разрабатывать проблему народности, используя для этого те идейно-политические ориентиры и научные средства, которые внушали ему доверие добросовестностью и непредвзятостью.

Ключевые слова: народность, культурно-исторический маршрут русского народа, славянофилы, западники, панславизм, национализм, концептуально-методологические расхождения.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

F. I. Buslaev: Ideological and Political Accents in Research of Nationality Problem

This article continues a series of publications about F. I. Buslaev, which was started in previous issues of this magazine. The problem of interaction of F. I. Buslaev with two main currents of the scientific thought of Russia of the first half of the 19th century – Westerners and Slavophiles is considered. It is noted that Buslaev was indifferent to all research ideas and efforts of Slavophiles – supporters of an independent, culturally original, primordially Russian way of development of the people, he didn't share nationalism of the Slavophiles trusting in superiority of the Russian people. It is emphasized that the blind worship of Westerners for the European civilization was also impossible for Buslaev. He, as if teasing the one and the others, continued to develop a nationality problem, using for this purpose those ideological and political reference points and scientific means which inspired him trust with its conscientiousness and impartiality.

Keywords: nationality, a cultural and historical route of the Russian people, Slavophiles, Westerners, Pan-Slavism, nationalism, conceptual and methodological divergences.

С начала 50-х гг. XIX в. приоритетным направлением исследовательской деятельности Ф. И. Буслаева становится изучение народности «во всем разнообразии ее физических и духовных особенностей, ее быта, верований, умственных и нравственных начал» [19, с. 131].

«Ясное и полное уразумение основных начал нашей народности»¹ он стал относить к первоочередным вопросам «отечественной науки и всей русской жизни» [5, с. 1]. Однако, руководствуясь особым интересом к патриархальной старине, древнейшим пластам истории индоевропейцев, куда в своих истоках восходили и язык, и народная поэзия, и, кроме того, обладая уже многолетним опытом изучения первобытных древностей в культурно-историческом контексте, Ф. И. Буслаев избрал в продиктованном современностью проблемном поле народности наиболее привлекавшие его аспекты исследования: причины зарождения неповторимого своеобразия национальной жизни, воплощавшегося в языке,

мифологии, народной поэзии, традициях русского народа как части славянской ветви индоевропейских племен; имманентные закономерности становления культуры в ее национальном своеобразии.

Его магистерская диссертация стала первой попыткой воссоздания культурно-исторического маршрута, пройденного русским народом как неотъемлемой частью индоевропейцев, и первым удачным опытом объяснения «сокровенного смысла общего им предания»², в котором [были. – М. Н., Т. П.] заключены основные начала народности» [19, с. 132]. Продолжение исследований в этом направлении сулило в перспективе приближение к пониманию природы первобытного (мифологического) сознания, механизмов его функционирования и развития. Однако в силу специфики исторической ситуации в России материалами изучения древнейшей, первоначальной формы сознания человечества становятся преимущественно виды и жанры народной поэзии русского

народа, так как разбуженный мечтательным и чувственным романтизмом интерес к истории и культуре родного народа, самобытным основам своей национальности нашел для себя самую благодатную почву в российской действительности середины XIX в. В 40–50-е гг. проблема народности становится центральной в литературной и общественно-политической полемике, которая отражала поиски ответов на главные волнующие вопросы современности: дальнейшая судьба России, ее место в общем историческом процессе, возможность и средства улучшения положения и правового статуса русского народа, и прежде всего крепостного крестьянства [2, с. 30].

«Мода на народность, занесенная к нам с Запада» [11, с. 6], всколыхнула русскую общественную мысль, которая при решении дилеммы о самобытном или европейском пути цивилизационного развития России разделилась на два направления: славянофилов и западников. Ф. И. Буслаев, приступивший к рассмотрению проблемы народности в то время, когда между этими «враждебными лагерями» началась «междоусобная война» [4, с. 300], должен был сориентироваться в идейных расхождениях противников, что было важно для выработки его собственной общественной позиции, определения ценностно-смысловых ориентаций исследовательской программы.

Казалось бы, что любовь к национальной старине, народному преданию и народной словесности, привитая в студенческие годы «его милыми профессорами», славянофилами С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным [4, с. 291], незаметно для самого Ф. И. Буслаева вовлечет его в лагерь тех, кто «с ненавистью относился ко всему немецкому, предавал Европу проклятию, открывая в ней предсмертные симптомы конечного распада и тления и с юношеским увлечением облакался в мужицкий кафтан и мурмолку» [11, с. 7].

Однако этого не произошло. «Безусловно предпочитая славянофильское общество западникам» [4, с. 294], Ф. И. Буслаев был равнодушен к «славянофильским убеждениям и идеям». Ему казалось, что «славянофильская любовь к народности почти всегда переходила в комическое. Это было постоянное донкихотство, состоявшее в тысяче детских попыток, так сказать, изгнать из себя злого беса европейской цивилизации и, как заблудшей овце, воротиться в отчий дом благодетельных времен татарщины и вечаевого раскола» [8, с. 316]. Не ожидая от славянофилов ни практических, ни научно-теоретических результатов,

Ф. И. Буслаев стал проявлять интерес только к людям, сознательно объединившимся в эту «партию» национально-ориентированных и в то же время консервативно-охранительных представителей отечественной мысли. В них он ценил «нравственные достоинства, безукоризненную чистоту их помыслов, гордую независимость духа, соединенную с милым простодушием, иногда доходящим до детской наивности» [4, с. 292].

Ф. И. Буслаев признается в том, что был совершенно равнодушен ко всем волновавшим сторонников независимого, культурно-самобытного, исконно русского пути развития творческим идеям и исследовательским усилиям. Ему оказались чуждыми умонастроения и мирозерцание славянофилов. «Мне и в голову не приходило, – откровенно аполитично признается он, – задаться мыслью, в чем и как отличает себя эта партия от западников. Это меня нисколько не интересовало. Потому и о себе самом я не мог догадываться, кто я таков, славянофил или западник?» [4, с. 297]

В работах Ф. И. Буслаева мы не найдем подробного разбора идейных баталий представителей оппозиционных общественно-политических течений. Ему было достаточно ощущать себя счастливым от одного знакомства с «бесподобными людьми», добровольно связавшими себя едиными помыслами и убеждениями, которые к тому же принесли немалую пользу науке России³. К «образцам высшего совершенства» Ф. И. Буслаев относил К. С. Аксакова и П. В. Киреевского. «Ученые интересы» первого были связаны с русским языком и его грамматикой, в которой он пытался найти «неисчерпаемые глубины народного духа»; второй, хотя и был историком, с увлечением собирал народные песни, былины, духовные стихи [4, с. 291–296]⁴. К «московской партии» славянофилов принадлежали также Ю. Ф. Самарин, создавший «образцовые», по мнению Федора Ивановича, работы «о государственном и экономическом строе русской земли с ее окраинами», и А. С. Хомяков, увлекавшийся всеобщей историей и богословием [4, с. 293].

Фанатичная любовь к русской культуре в ее национальном своеобразии, к исторически укорененным традициям, самобытному национальному характеру, с одной стороны, и неприязненное отношение к западной культуре, грозившей потерей русской национальной идентичности, – с другой превращали славянофилов в гонителей и передовой европейской мысли, а это, в свою оче-

редь, негативно отражалось на научной продукции ученых. Дилетантизм и устаревшие «мечтательные умозрения» апологетов самосохранения национальной специфики русской культуры, которые шли вразрез с лучшими достижениями западноевропейской науки, не позволяли Ф. И. Буслаеву, ценившему славянофилов за издание лучших сборников народных песен и стихов [19, с. 141], разделять идейно-политические и нравственно-эстетические воззрения, а также научные достижения ученых коллег. «Славянофилы восхищались образцовым строем русской семьи, русской общины и земщины, русским третейским судом и другими особенностями так называемого обычного права, – комментирует он причину своих расхождений во взглядах с представителями этого течения в русской мысли. – Мне гораздо интересней было анализировать только терминологию семейных отношений... и на основании законов сравнительной грамматики возводить их к санскритскому языку для очевидного доказательства, что наши предки в незапамятные времена ... вынесли из своей арийской прародины вполне благоустроенную семью». Увлеченные панславизмом, московские славянофилы мечтали об изгнании немцев из Австрии и создании «великого панславянского государства», которое объединило бы чехов, словаков, сербов, поляков и других «их соплеменников». Сомневаясь в достижимости этой цели, Ф. И. Буслаев с иронией «представлял себе умиленную картину примирения германцев со славянами в идеальной апотеозе Асов и Ванов...» [4, с. 300].

Не разделял он и национализма славянофилов, веривших в превосходство русского народа и в угоду своей национальной гордости приукрашивавших роль наших соотечественников в «общечеловеческом умственном и литературном развитии» [11, с. 1]. В отличие от застрельщиков националистического движения, Ф. И. Буслаев видел в преданиях и стародавних обычаях своих предков не сокровища «доморощенной мудрости, равных которым по их глубине не было и нет во всем мире», а только «интересный и ценный материал», к которому он «старательно подбирал сходные, а иногда и почти одинаковые факты из других народностей», преимущественно индоевропейских [4, с. 300].

Таким образом, концептуально-методологические расхождения в изучении русской народности, ее истории, нравственного и семейного быта, политико-правовых учреждений

и культурного наследия не давали шансов Ф. И. Буслаеву примкнуть к славянофилам. Вместе с тем такой же «узкой» и претенциозной ему казалась и «программа» западников: «Несмотря на мою любовь к Италии и на благоговение к ученым трудам Якова Гримма, назвать себя западником я решительно не мог, – заявлял он, – по крайней мере, в том смысле, как это прозвище прилагается к Чаадаеву и Белинскому» [4, с. 299].

Ему претило слепое преклонение западников – сторонников общественного прогресса, «размывания» традиционной, отсталой русской национальной культуры – перед всем, что было свято русскому самосознанию, что оскорбляло его собственные религиозные чувства, что являлось «глумлением» над его научными интересами, связанными с постижением ценностно-смысловой неповторимости русской старины, психического склада русского народа, которые «кому-то казались дрянным, никуда не годным хламом» [4, с. 356].

Неприятное отношение к западничеству объясняет его отстраненность и от этого «лагеря», включавшего, по словам А. Н. Пыпина, «писателей прогрессивного направления» [21, с. 699].

В печатных материалах Ф. И. Буслаев, деликатный и скромный человек, не допускал резких высказываний ни в адрес сторонников «консервативно-охранительной идеологии и культурной политики», ни в «лагерь» «радикально-модернизаторской» линии развития русской культуры⁵. Однако в письмах к друзьям, А. А. Краевскому и С. С. Дудышкину, он не стесняется резких выражений, демонстрируя явную враждебность ко всем проявлениям идеологического фанатизма [17, с. 15].

Не реагируя на оскорбительные выпады западников и не боясь обвинений славянофилов в потворствовании европейской, и прежде всего немецкой, науке, Ф. И. Буслаев, словно дразня и одних, и других, продолжал разрабатывать проблему народности, используя для этого те «научные средства», которые внушали ему доверие добросовестностью и непредвзятостью, и ему было безразлично, кому удалось достичь истины, «хотя бы даже самим немцам» [19, с. 141, 142].

В конце 50-х гг., когда и «мысль о необходимости заимствований казалась опасной даже официальным представителям университетской науки» [19, с. 141, 142] (из-за революционных событий в Западной Европе⁶), Ф. И. Буслаев про-

должал открыто доказывать благотворное влияние многовековой европейской цивилизации на «молодое русское просвещение». «Западу обязаны мы самой мыслью обратиться наконец с уважением к своей народности, исследовать ее и дать ей права гражданства в будущем развитии русской жизни. Западные же ученые дали нам образец, как собирать и приводить в систему памятники народной словесности». Науки и литература тоже были «пересажены» к нам с Запада, – без доморощенного патриотизма выражал свою позицию Ф. И. Буслаев [10, с. 440, 441].

Подобное отношение к науке и проблеме исследования, чуждое огульного, узконационального восхваления народности и далекое от пристрастного «партийного» ангажирования, основанное исключительно на передовых научных теориях и проникнутое «любящим отношением к простым созданиям народа», нашел в творчестве Ф. И. Буслаева А. Н. Пыпин и, забывая о резкости присущего его аналитическим разборам тона, подчеркнул «капитальную заслугу» ученого именно в разработке «совсем нового у нас отношения к народности». Его стремление «проникнуть... во внутреннюю жизнь и историю» народа, «в смысл его преданий, в задушевные тайны поэзии», осуществлявшиеся с «любящим отношением к простым созданиям» соотечественников, «с признанием их достоинств» и «высоким уважением», критик охарактеризовал «защитой народности». В канун освобождения крестьян от крепостной зависимости Ф. И. Буслаев «со своей точки зрения и в своей области» защищал интересы народа, проповедовал не снисхождение, а сочувствие и уважительное отношение к «общенародному достоянию – народной словесности» [21, с. 701, 702, 704, 742].

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики: в 2 т. – Т. 1 [Текст] / М. К. Азадовский. – М., 1958.
2. Академические школы в русском литературоведении [Текст]. – М., 1975.
3. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 355–376.
4. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев ; Изд. В. Г. фон Бооля. – М., 1897.
5. Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словес-

ности и искусства. – Т. 2. Древнерусская литература и искусство. – СПб., 1861. – С. 1–63.

6. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклатья с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 250–256.

7. Буслаев, Ф. И. О сродстве славянских Вил, Русалок и Полудниц с немецкими Эльфами и Валькириями [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 231–241.

8. Буслаев, Ф. И. О русских народных книгах и лубочных изданиях [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб., 1908. – С. 303–366.

9. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 210–230.

10. Буслаев, Ф. И. Русские духовные стихи [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб., 1887. – С. 434–501.

11. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Там же. – С. 1–215.

12. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... – Т. 1. – С. 78–136.

13. Буслаев, Ф. И. Сказание Новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении Скарда [Текст] / Ф. И. Буслаев // Там же. – С. 301–307.

14. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Там же. – С. 308–354.

15. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] / Ф. И. Буслаев // Там же. – С. 1–77.

16. Буслаев, Ф. И. Языческие предания села Верхотишанки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Там же. – С. 242–249.

17. Из переписки деятелей Академии наук [Текст]. – Л., 1925.

18. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры [Текст] / И. В. Кондаков. – М., 1997.

19. Ляцкий, Е. Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности [Текст] / Е. Ляцкий // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 129–147.

20. Перфилова, Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов [Текст] / Т. Б. Перфилова. – Ярославль, 2014.

21. Пыпин, А. Новейшие исследования русской народности [Текст] / А. Пыпин // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. – 1883. – № 10. – Октябрь. – С. 695–742.

Bibliograficheskij spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki: v 2 t. – Т. 1 [Текст] / М. К. Azadovskij. – М., 1958.
2. Akademicheskie shkoly v russkom literaturovedenii [Текст]. – М., 1975.
3. Buslaev, F. I. Drevnejshie jepicheskie predanija slavjanskijh plemen [Текст] / F. I. Buslaev // Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1.

Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 355–376.

4. Buslaev F. I. Moi vospominanija [Tekst] / F. I. Buslaev ; Izd. V. G. fon Boolja. – M., 1897.

5. Buslaev F. I. O narodnoj poezii v drevnerusskoj literature [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 2. Drevnerusskaja literatura i iskusstvo. – SPb., 1861. – S. 1–63.

6. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljat'ja s nemeckim, odnosjashimsja k jepohe jazycheskoj [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 250–256.

7. Buslaev, F. I. O srodstve slavjanskih Vil, Rusalok i Poludnic s nemeckimi Jel'fami i Val'kirijami [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 231–241.

8. Buslaev, F. I. O russkix narodnyx knigax i ljubchnyx izdanijax [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. – T. 1. – SPb., 1908. – S. 303–366.

9. Buslaev, F. I. Ob jepicheskix vyrazhenijax ukrainskoj poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 210–230.

10. Buslaev, F. I. Russkie duhovnye stihi [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – SPb., 1887. – S. 434–501.

11. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Tam zhe. – S. 1–215.

12. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... – T. 1. – S. 78–136.

13. Buslaev, F. I. Skazanie Novoj Jeddy o sooruzhenii sten Midgarda i serbskaja pesnja o postroenii Skarda [Tekst] / F. I. Buslaev // Tam zhe. – S. 301–307.

14. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki [Tekst] / F. I. Buslaev // Tam zhe. – S. 308–354.

15. Buslaev, F. I. Jepicheskaja poezija [Tekst] / F. I. Buslaev // Tam zhe. – S. 1–77.

16. Buslaev, F. I. Jazycheskie predanija sela Verhoshanki [Tekst] / F. I. Buslaev // Tam zhe. – S. 242–249.

17. Iz perepiski dejatelej Akademii nauk [Tekst]. – L., 1925.

18. Kondakov, I. V. Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury [Tekst] / I. V. Kondakov. – M., 1997.

19. Ljackij, E. Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoj slovesnosti [Tekst] / E. Ljackij // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – M., 1898. – S. 129–147.

20. Perfilova, T. B. «Uchenoe soslovie» Rossii v pravovom prostranstve ustavov Imperatorskix universitetov [Tekst] / T. B. Perfilova. – Jaroslavl', 2014.

21. Pypin, A. Novejšije issledovanija russkoj narodnosti [Tekst] / A. Pypin // Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury. – 1883. – № 10. – Oktjabr'. – S. 695–742.

¹ История термина «народность» представлена в монографии М. К. Азадовского «История русской фольклористики» [1, с. 190–193]. По мнению автора, происхождение, первое появление этого термина в отечественной литературе еще не установлены, «как и само последовательное формирование идеи народности». М. К. Азадовский отмечает, что вопрос о народности, даже при отсутствии этого слова в лексиконе, был поставлен в XVIII в., когда требовалось либо выразить протест против распространенной в дворянских кругах подражательности всему европейскому, либо обратиться к чему-то национальному, простонародному. «Специфика национального представлялась еще как архаичность (“старинность” и “исконность”); одним из проявлений архаики считалась и простонародная поэзия, поскольку в ней видели сохранившиеся истоки седой древности».

Постепенно содержание понятия «народность» наполнилось смыслами других, более конкретных лексических единиц: национальность, исконность, простонародность. Однако не только в Век просвещения, но и в более позднее время понятие «народность» подменялось другими словами и выражениями: национальность, простонародность, народная философия, народное мнение, зеркало народной души.

В 20-е гг. XIX в. термин «народность» стал обиходным и в Западной Европе, и в России. Французские романтики понимали его как выражение в литературе народного духа, или иначе, «внутренних и внешних свойств народа».

Хотя проблема народности не являлась, по замечанию М. К. Азадовского, только литературной, именно в этой сфере творческой деятельности наиболее отчетливо реализовывалось требование художественного воспроизведения исторического, географического и этнографического своеобразия каждого изображаемого народа: демонстрация «местного колорита» стала одним из обязательных элементов романтического канона. Проблема народности поднималась, кроме литературы, в публицистике и науке и не исчерпывалась только романтическим интеллектуальным течением.

² Смысловое пространство понятия «предание», активно использовавшегося Ф. И. Буслаевым, шире представленных И. В. Кондаковым дефиниций этого слова. Если И. В. Кондаков под преданием понимает «глубоко укорененные традиции», «традиции, нормы, санкционированные прошлым», «совокупность всех устоявшихся норм и обычаев», а также «ориентацию на исконно традиционные ценности и принципы» [18, с. 67, 127, 184, 182 соответственно], то у Ф. И. Буслаева, помимо этих смыслов, соответствовавших хронологу средневековой Руси (например, «неизменность эпических форм поддерживалась обычаем и преданием», [9, с. 210]; «предание заменяло и школу, и науку» [15, с. 44]), встречаются и другие.

1. Предание как сохраненное в коллективной памяти священное слово (завет) предков – это «самый обильный источник эпических форм» [9, с. 224]. 2. Предание (вместе с пословицей, загадкой, народными поверьями) само относится к «разрозненным членам эпоса» – «живому, органически сомкнутому» целому [7, с. 224; 12, с. 113]. 3. Предание – это «старинное баснословие», то есть выдумка, фантазия, «затерянный смысл» которого реконструируется через «приведение [его. – М. Н., Т. П.] в согласие с прочими поверьями и преданиями» [16, с. 244]. 4. Предание как рассказ, был, повествование, литературная

форма (жанр) безыскусственного народного творчества может быть мифическим, космогоническим, эпическим, поэтическим, историческим [3, с. 355; 9, с. 210; 12, с. 128, 129; 14, с. 308]. 5. Предания – это факт истории: их возникновение относится к «старине глубокой», времени образования языка народа. Источник их появления – «безотчетное благоговение» человека перед божественными эманациями, что придает рассказам «чудесный характер» [13, с. 303; 16, с. 248].

Предания – это «факт языка, мышления, познания» [12, с. 129], поэтому они могут иметь различия даже у генетически близких народов [7, с. 241], хотя единые «законы мышления», «неизменные свойства души человечества», как правило, порождают сходство чувствований, верований, «согласие образа мышления» [6, с. 252, 253].

³ Подробный разбор идейных, аксиологических взглядов славянофилов и их научных концепций содержится в исследовании М. К. Азадовского «История русской фольклористики» [1, Гл. IV, с. 368–416].

⁴ Брат Петра Васильевича Киреевского, Иван Васильевич, в 1845 г. вместо М. П. Погодина руководил изданием «Москвитянина», в котором Ф. И. Буслаев опубликовал свои первые рецензии [4, с. 296].

⁵ Термины принадлежат И. В. Кондакову [18, с. 242–246].

⁶ См. об этом подробнее [20, гл. III. 2. – С. 86–102].

Сам Ф. И. Буслаев вспоминает о «мрачном семилетии» следующее: «В самом конце сороковых годов настало для Западной Европы смутное время, грозившее сокрушить уже заранее поколебленные основы всего государственного и общественного строя. Чтобы упредить и предотвратить вторжение того же в пределы нашего отечества и очистить умы от всякого налетного поветрия, были приняты у нас строжайшие меры... В мероприятиях бдительной прозорливости предполагалось, что посеянные у нас семена западного мятежа могли дать ядовитые ростки», и, чтобы этого не произошло, всем культурным контактам с Западной Европой на время был положен конец [4, с. 312, 317].